

в Южном Побужье — зарубинецкие и пшеворские, при преобладании первых. В Верхнем Поднестровье его основой являлись пшеворско-зарубинецкие племена при участии населения липицкой культуры. На Западной Вольни пшеворско-зарубинецкое взаимодействие было лишено, в отличие от Верхнего Поднестровья, влияния липицкой культуры. Главным в нем было пшеворско-зарубинецкое взаимодействие, приведшее к формированию в III в. н. э. в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье памятников черняховского типа, носителями которых были славяне. На значительной части Вольни и Южном Побужье этот процесс был замедлен и усложнен вторжением инородного населения, в первую очередь, сармат и готов, оказавшего определенное влияние на черняховскую культуру очерченных регионов.

К культуре, упоминаемой Ю. В. Кухаренко, относятся только позднелатенские памятники типа Круглика на Среднем Днестре. Они сосуществуют с локальной группой древностей западного происхождения, близкой к пшеворской культуре Висло-Одерского междуречья. К началу раннеримского времени на этой территории формируются древности типа Бернашовки, соединяющие в себе элементы пшеворской и дакийской культур. Их взаимопроникновение началось еще в позднелатенское время⁴¹.

Процесс проникновения пшеворских племен в среду гето-дакийского населения продолжался и в последующее время, охватывая район Днестро-Дунайского междуречья. Он заметно усиливается во II в. н. э., когда пшеворская культура в Польше достигает наибольшего расцвета. Пшеворские памятники этого периода известны не только в Поднестровье, но и в Закарпатье и Восточной Словакии.

Еще в конце XIX в. Т. Легоцким были описаны предметы вооружения, найденные в селах Арданово, Свалява, Смолеговицы, Новислица в Закарпатье⁴². Они входили в состав отдельных погребений с трупосожжением или небольших могильников, принадлежащих к пшеворской культуре⁴³. Последние аналогичны отдельным погребениям с оружием в Поднестровье типа Переводова, Капустянец, Петрилова и других и датируются второй половиной II—III в. н. э.

О проникновении пшеворских племен в Потисье и их взаимодействии с местным гето-фракийским населением свидетельствует недавно исследованный памятник у с. Братово⁴⁴, где под одним курганом открыто пять урновых и ямных трупосожжений с типичным для пшеворской культуры обрядом погребения. Два из них

⁴¹ Пачкова С. П. К вопросу..., с. 57—72; Пачкова С. П. Поселения поблизу с. Круглик..., с. 24—36.

⁴² *Lehoczky T.* Beregmedyei vaskori leletről.— Arch. Ertesito, 1886; Adatok hazánk archeologiajához különös tekintettel Beregmegyere es környécére.— Munkacs, 2 köt., 1912, 95. old. 45—47.

⁴³ *Смишко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери.— К., 1961, с. 6.

⁴⁴ *Котигорошко В. Г.* Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово.— СА, 1979, № 2, с. 153—163.

сопровождались большим количеством характерных для этой культуры предметов вооружения. Местным элементом является наличие курганной насыпи над погребениями, что типично для культуры Карпатских курганов.

Существование подобных памятников в Потисье свидетельствует о сближении пришлых пшеворских племен с местным населением, о взаимопроникновении их культур.

Памятники, аналогичные Братову, известны также в Восточной Словакии, в частности, в Земплине⁴⁵. Пшеворские элементы прослеживаются и на поселениях Шебастовицы, Михаловицы, Гуменное и др.⁴⁶ Дальнейшее развитие эти памятники получают в культуре типа Прешова, датирующейся III—V вв. Они известны по материалам поселений в Сене, Прешове, Кошнянах и др. С этими памятниками словацкие археологи связывают начало славянизации Карпатского бассейна⁴⁷.

В III—IV вв. пшеворские племена Висло-Одерского междуречья продвигаются дальше на юг, на территорию современной Румынии, где известны по памятникам типа Тыршгор-Олтенъ⁴⁸. Некоторые румынские исследователи трактуют эти памятники как свидетельство пребывания германских племен (тайфалов или вандалов) на территории Румынии⁴⁹.

В Будинский-Кричка, рассматривая пшеворские древности на территории Восточной Словакии, выделял в них не только военную прослойку, являвшуюся в основном германской, но и земледельческо-скотоводческую — славянскую⁵⁰. Высказанная им гипотеза согласуется с мнением некоторых польских и советских исследователей, рассматривающих пшеворскую культуру как сложное полиэтническое объединение, включающее и славянское население⁵¹, что подтверждается материалами Верхнего Поднепровья и Западного Побужья, о чем шла речь выше.

И. С. Винокур

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПЛЕМЕНА НА ДНЕСТРЕ И ДУНАЕ

В трудах отечественных и зарубежных ученых вопросы исторической географии и этнографии европейских племен рубежа и первой половины I тыс. н. э. уже нашли свое определенное освеще-

⁴⁵ *Budinsky-Krička V.* Výskum na mohylniku v Zempline roku 1858.— In: Referáty o pracovných výsledkoch československých archeologov za rok 1958, Liblice, 1958, N 2, s. 61—69.

⁴⁶ *Bydinsky-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej a zo začiatkov stáhovania narodov v Prešove.— Sl. arch., 1963, t. II, s. 33.

⁴⁷ *Budinsky-Krička V.* Slovanske osídlenie na Východnom slovensku.— Stud. zvest. AU SAV, 1961, S. 6, 129, 130.

⁴⁸ *Diacony Ch.* Despre Taifali în lumina cercetărilor arheologice.— Stud. și cerc. istor. veche, 1964, anul. 15, s. 467—481.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Budinsky-Krička V.* Sidlisko., s. 33.

⁵¹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976, с. 205—213; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 71—73.

ние¹. Вместе с тем следует отметить, что накопление новых археологических материалов, происходящих с территории Поднестровья и Подунавья рубежа и первых веков нашей эры, дает возможность уточнить некоторые важные детали истории и культуры племен Юго-Восточной и Центральной Европы.

Изучение историко-археологических комплексов первых веков нашей эры показывает, что оседлые земледельческие племена Поднестровья и Подунавья, базируясь на местных древних традициях и находясь под прогрессивным влиянием античной цивилизации Северного Причерноморья и римских провинций, продолжали интенсивно развиваться.

Плиний Старший, Тацит и Птолемей, описывая население Европы рубежа и первых веков нашей эры, представляли себе европейские просторы как два больших этнографических массива — Германию и Сарматия². И та и другая, по свидетельствам древних авторов, включали «большие» и «малые». Так, Плиний Старший сообщает: «Некоторые писатели передают, что эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы.— *И. В.*) населены сарматами, венедами, скифами, гиррами»³. Тацит, говоря о европейских племенах, отмечает: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и феннов я не знаю, причислить ли мне их к германцам, или к сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям»⁴. И далее, уточняя географические границы «Германии», Тацит рассказывает, что «Германия в целом отделяется от (страны.— *И. В.*) галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, а от сарматов и даков — взаимным страхом, а также горами (Карпаты — *Н. В.*)»⁵. Птоломей повествует, что «Сарматия занимают очень большие племена: венеда вдоль всего Венедского залива; над Дакией господствуют певкины и бастарны; по всей этой территории, прилегающей к Маеотийскому озеру, — язгы и роксоланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и алано-скифы»⁶.

Среди небольших племенных образований Птолемей называет сабоков и трансмонтанов, локализуя их на север и северо-восток от Карпатских гор. Из других источников в указанном районе известны две племенные группы — карпы и костобоки. В области

¹ *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена.— М., 1953; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.: Л., 1966; *Filip J.* Počatky slovenskeho osídlení v Ceskoslousku.— Praha, 1946; *Kostrzewski J.* Kultura prapolska.— Poznań, 1949; *Vulpe R.* Izvoare.— București, 1957; *Istoria României.*— București, 1960.

² *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена, с. 103.

³ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1; *Плиний Старший.* Естественная история, IV, 97, с. 230.

⁴ *Мишулин А. В.* Древние славяне., *Тацит.* Германия, XI, 6, с. 230.

⁵ Древние германцы: Сб. док./Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин.— М., 1937, *Тацит.* Германия, I, с. 55.

⁶ *Птолемей.* География, III, 5, 19, с. 231; *Скржинська М. В.* Перші писемні свідчення про слов'ян.— УІЖ, 1974, № 6, с. 91—99.

Поднепровья Птолемей размещает, кроме них, суоенов и ставанов, в наименованиях которых историки и археологи видят древнейшие упоминания названия «славяне» для Поднепровья⁷.

Как видно из приведенных сообщений Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, европейские земли (и особенно район Центральной и Юго-Восточной Европы) представляли собой на рубеже и в первые века новой эры пеструю племенную мозаику. Причем в составе племен европейской «Сарматии» и «Германии», судя по письменным источникам, подразумевались в этническом отношении разнородные элементы⁸.

В связи с изучением древностей первой половины I тыс. н. э. на территории Поднепровья и Подунавья первостепенное значение приобретают сведения древних авторов о сарматах и венедах или венетах. «Европейская Сарматия ограничивается на Севере Сарматским океаном (Балтийским морем.— *И. В.*) по Венедскому заливу (часть Балтийского моря.— *И. В.*) и частью неизвестной земли...»⁹. С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой (Вислой.— *И. В.*), частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами (Среднеевропейские отроги Карпатских гор.— *И. В.*)»¹⁰. Южный и восточный пределы «Сарматии» связаны с Северным Причерноморьем, а также заднепровскими и задонскими степями¹¹.

Под «большими» и «малыми» племенами «Сарматии», очевидно, подразумевались не только собственно сарматские, но и другие несарматские племена, например славянские и фракийские. Материальная и духовная культура собственно сарматских степных племен изучена советскими археологами достаточно основательно¹². Значительно хуже исследованы конкретные пути исторических связей собственно сарматских племен с их соседями — фракийцами и славянами. В связи с накоплением новых археологических данных рубежа и первых веков нашей эры эту проблему можно уже ставить и решать на более широкой, чем это было раньше, историкоэтнографической основе.

Очевидно, древние авторы были правы, говоря, в частности, о территориальном и этнокультурном контактах между сарматами и славянами. Линия активного взаимопроникновения очерченных этнокультурных массивов, как отмечено в источниках, проходила на север от Черного моря, Карпатских гор и Дуная, то есть, очевидно, в районах Поднепровья и прилегающих к ним землях¹³.

⁷ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 3, с. 235—315; Клавдий Птолемей, География, 8, с. 463.

⁸ Третьяков П. П. Восточнославянские племена, с. 103—105.

⁹ Латышев В. В. Известия древних писателей...; Клавдий Птолемей, География, 1, с. 459.

¹⁰ Латышев В. В. Известия древних писателей...; Клавдий Птолемей, География, 1, с. 460.

¹¹ Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов.— М., 1964, с. 193.

¹² Там же.

¹³ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 230—231.

Письменные источники дают также возможность уточнить территориальные и этнокультурные связи славянских и фракийских племен¹⁴. Основным порубежным районом между ними выступает территория Подунавья, Прикарпатья и Среднего Поднестровья. Именно в этих местностях, очевидно, в первые столетия новой эры и происходили контакты между славянским и фракийским населением. В Певтингеровых дорожных таблицах на территории между Днестром и Дунаем рядом с даками и готами размещены венеды. Наименование «венеды» встречается в названных таблицах дважды, что должно, видимо, свидетельствовать о большой протяженности заселенной ими территории.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «большие племена: венеды» Птолема¹⁵ на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. занимали огромные просторы в Центральной и Юго-Восточной Европе (от Дуная до Балтийского моря). Славяне-венеды занимали большую территорию на Нижнем Дунае, Днестре, Днепре и Висле. В территорию расселения славян входило, очевидно, все лесостепное Днестро-Днепровское междуречье¹⁶.

На рубеже и в первые века нашей эры отдельные группы сарматов продвинулись из Причерноморья на земли Подунавья и Днестро-Прутского междуречья, а затем, расширяя зону контактов в северном направлении, они оказались в окружении фракийских и славянских племен Среднего Поднестровья и Прикарпатья. Это было одно из известных сарматских племен — языги, которые первыми продвинулись из причерноморских степей на запад¹⁷. По свидетельству Аппиана, они кочевали в конце II в. н. э. между Днепром и Дунаем¹⁸, а затем двинулись на запад от Днестра и, наконец, в середине I в. н. э. осели в бассейне р. Тиссы¹⁹. В конце II — начале III в. н. э. языгов в южнорусских степях не было²⁰.

Как видим, письменные источники фиксируют для территории Юго-Восточной Европы рубежа и первых веков нашей эры довольно сложную этно-географическую картину. Сложность обуславливалась тесными территориальными контактами, глубокими взаимовлияниями и культурными переплетениями, которые нередко существовали между племенами различного этнического происхождения. Следует подчеркнуть, что по характеру развития оседлой земледельческой культуры славянские (венедские) и фракийские племена рубежа и первых веков нашей эры были довольно

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мишулин А. В. Древние славяне., с. 230—231.

¹⁶ Бидзиля В. И. Этническая карта Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 20.

¹⁷ Смишко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець.— МДАПВ, 1962, вип. 4, с. 67—69.

¹⁸ Латышев В. Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе.— Спб., 1893, т. 1, с. 528.

¹⁹ Там же, 1904, т. 2, с. 171.

²⁰ Браун Ф. Разыскания в области готославянских отношений.— Спб., 1899, т. 1, с. 94.

близки. Несколько иными, видимо, были процессы, связанные с сарматскими племенами, которые, оседая на фракийских и славянских землях, постепенно переходили к земледелию и значительно позже частично сливались с местным оседлым земледельческим населением²¹.

Исторические свидетельства о населении Юго-Восточной Европы последующих веков содержатся в трудах Иордана, Прокопия Кесарийского, Менандра, Псевдо-Маврикия, Агафия, Феофилакта Симокатты и др. Нас, прежде всего, интересуют те места в сочинениях древних авторов, где освещается история населения Поднестровья и Подунавья в III—IV вв.

Данные более древних писателей о венедах рубежа и первых веков нашей эры можно уверенно связывать с описанными в «Гетике» антами и склавиными²². «...Начиная от места рождения Вистулы (Вислы — *И. В.*), — сообщает Иордан, — на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»²³. Описывая основные территории расселения антов и склавинов, Иордан далее уточняет: «Склавены живут от города Новьетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Вислы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшие из обоих (племен. — *И. В.*) — распространяются от Данастра до Данапра...»²⁴. Как бы уточняя генеалогические связи венетов с антами и склавиными, Иордан отмечает: «Эти (венеты. — *И. В.*), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавинов. Хотя теперь (то есть в VI в. н. э. — *И. В.*) по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда (в IV в. н. э. — *И. В.*) все они подчинились власти Германариха»²⁵. Иордан, видимо, уже знал как единые по смыслу этнонимы венеды и славяне²⁶.

О том, что раннюю историю антов следует относить к III—IV вв., свидетельствует также то место из сочинения Иордана, где описывается борьба готов с антами в 70-х годах IV в., после смерти Германариха²⁷.

Итак, судя по данным «Гетики», анты и склавины уже в первой половине I тыс. н. э. населяли огромные пространства: основным ареалом склавинов были земли на запад от Днестра, а территория антов непосредственно связана с Днестро-Днепровским между-

²¹ Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. — Археол. сб. Гос. Эрмитажа, 1972, вып. 14, с. 43—53.

²² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — М., 1960, с. 71—72, 90, 115.

²³ Там же, с. 71—72.

²⁴ Там же, с. 72.

²⁵ Там же, с. 90.

²⁶ Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956, с. 39—43.

²⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 115.

речью. Е. Ч. Скржинская, анализируя сочинение Иордана, пришла к выводу, что анты могли расселяться и несколько к западу от Днестра. Они «...не только смыкались по четкой линии Днестра со склавенами, но и проникали в области расселения последних, перемежаясь с ними по крайней мере в восточной части северного Подунавья»²⁸.

Прокопий Кесарийский, говоря о славянах и антах, локализует последних в основном между Днестром и Днепром²⁹. Имея в виду этническое родство славян (склавинов — И. В.) и антов, он пишет: «...у тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга... И некогда даже имя славян и антов было одно и то же»³⁰. Этот же автор отмечает, что славяне и анты находились в гуще военных событий периода борьбы с готами³¹.

Маврикий Стратег также сообщает любопытные сведения о славянах и антах. «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; ...Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище»³². Упоминания об антах встречаются и у Агафия³³. Феофилакт Симокатта, повествуя о событиях VI—VII вв., упоминает славян и антов, которые вместе с другими племенами, «...как волны, заливали всю страну на той стороне Истра»³⁴.

О событиях VI в. в связи с борьбой антов против аваров рассказывает Менандр. Он обращает внимание на отдельные эпизоды борьбы, а также красочно описывает дипломатические коллизии, связанные с ходом войны³⁵.

Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории» повествует о Балканских войнах VI в. и о роли славянских племен в них³⁶. События Балканских войн и заканчиваются, по сути, непосредственные упоминания в письменных источниках об антах.

Приведенные, по нашему мнению, наиболее характерные места из письменных свидетельств древних авторов о венедах, славянах и антах дают возможность сделать определенные обобщения и выводы, касающиеся территории расселения указанных племен в первой половине I тыс. н. э., их жизни и связей с другими народами.

Сведения письменных источников о венедах дают возможность локализовать их первоначально в Повисленье и на восток от Вис-

²⁸ Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новпетуне.— Византийский временник, 1957, 12, с. 19.

²⁹ Прокопий из Кесарии. Война с готами.— М., 1950, с. 156, 295, 297, 319, 320 и др.; Прокопий Кесарийский. Тайная история.— ВДИ, 1938, № 4, с. 307, 325 и др.

³⁰ Мишулин А. В. Древние славяне., с. 237.

³¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 156, 295, 297, 319, 320 и др.; Прокопий Кесарийский. Тайная история, с. 307, 325 и др.

³² Мишулин А. В. Древние славяне., с. 253.

³³ Агафий. О царствовании Юстиниана.— М.: Л., 1953, с. 75, 93.

³⁴ Феофилакт Симокатта. История.— М., 1967, с. 180—181.

³⁵ Мишулин А. В. Древние славяне., Менандр. История, 34, с. 247.

³⁶ Там же. Из «Церковной истории» Иоанна Эфесского, с. 252.

лы. Они соприкасались в Среднем Поднестровье, Прутско-Днестровском междуречье и в Подунавье с фракийскими и сарматскими племенами. На западе венеда соседствовали с древними германцами. Последние занимали основную территорию междуречья Одера и Рейна. На своем южном пределе территория германского населения включала и отдельные кельтские, иллирийские и другие племена.

Устанавливается устойчивая преемственность между венедами—славянами—антами. Их родство, на основе письменных свидетельств, является неоспоримым³⁷. Венеда—славяне—анты были связаны общностью этнического происхождения и языка. Упоминания письменных источников о венедах—славянах—антах следует рассматривать как эволюцию этнонимов, связанную с конкретными историческими условиями в Европе от рубежа и вплоть до середины I тыс. н. э.

Некоторые исследователи склонны относить сообщения Иордана, Прокопия и других древних авторов об антах только к VI в. н. э. и не ранее³⁸. Такая тенденция лишена исторической основы. Ведь Иордан, например, упоминает антов не только в VI в., но и в связи с событиями IV в. н. э. Это означает, что население Днестро-Днепровского междуречья и прилегающих районов Северного Подунавья III—V вв. н. э. должно связываться с ранним этапом антской истории³⁹. Письменные источники дают возможность видеть в антах отдельную этническую единицу, которая выделилась из венеда (славянской) общности. Обычай и быт антов, как свидетельствуют источники, очень близки другой венедаской группе — склавином. Склавины и анты пользовались одним (общеславянским) языком. Некоторые же различия в языке, вероятно, не выходили за пределы дифференциации диалектного порядка⁴⁰.

Взаимопроникновения и взаимовлияния на протяжении первой половины I тыс. н. э. между антами и склавином можно считать установленным фактом. На юго-западе соседями славянских племен являются фракийцы, с которыми славяне, начиная с рубежа нашей эры и вплоть до Балканских войн, находились главным образом в мирных отношениях. Славяне-анты фиксируются письменными свидетельствами древних авторов на широких просторах Юго-Восточной Европы. Причем в середине I тыс. н. э. они известны в Подунавье и в Причерноморье⁴¹.

³⁷ Шафарик П. И. Славянские древности, т. 2, кн. 3; Нидерле Л. Славянские древности, с. 36—43; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 111—131, 153—185.

³⁸ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 10—13.

³⁹ Седов В. В. Анти.— У кн.: Матеріали третьої Поділ. історико-краєзн. конф. Львів, 1970, с. 127.

⁴⁰ Там же, с. 128.

⁴¹ Сымонович Э. А. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1971, с. 2—4.

Для рубежа и первых веков нашей эры на землях Поднестровья и Подунавья известно несколько синхронных археологических культур. Непосредственно для лесостепного Днестро-Днепровского междуречья — зарубинецкая, на Днестре — пшеворская, гето-дакийская и сарматская культуры. Среди имеющихся материалов «чистые» комплексы названных культур соседствуют с памятниками, которые в своей материальной культуре имеют смешанный характер, что вполне соответствует реальной исторической обстановке рубежа и первых веков нашей эры.

Ареал древностей зарубинецкой культуры связывается преимущественно с бассейном Днепра⁴². Однако в последние годы зарубинецкие памятники открыты на Южном Буге⁴³, а элементы ее культуры представлены в Среднем⁴⁴ и Верхнем Поднестровье⁴⁵. Имея много общего в материальной культуре с поднепровскими зарубинецкими древностями, они переняли и основные черты ее соседних гето-фракийских и пшеворских племен. В этом смысле памятники рубежа и первых веков нашей эры в Среднем и Верхнем Поднестровье можно, видимо, рассматривать как смешанные или переходные⁴⁶.

Гето-дакийские племена представлены на территории Юго-Восточной Европы археологическими культурами типа Поянешти-Лукашевка, а также липицкими памятниками главным образом на землях Днестро-Прутского междуречья, в пределах современной Молдавии, а также соседней Румынии. Кроме того, отдельные гето-фракийские древности зафиксированы на землях Прикарпатья и Среднего Поднестровья, где, очевидно, находилась контактная зона гето-фракийских, пшеворских и зарубинецких племен.

В первых веках нашей эры определенную нивелирующую роль по отношению к племенам Поднестровья и Подунавья сыграли экономические и культурные связи с городами Северного Причерноморья и римскими провинциями. Это наложило соответствующий отпечаток на материальную культуру черняховских племен Поднестровья и Подунавья. Провинциально-римские влияния проявились в различных аспектах, но наиболее ярко они сказались в самом массовом археологическом материале — керамике. Провинциально-римские влияния в керамическом производстве хорошо фиксируются в среде гето-фракийских и славянских племен Поднестровья и Подунавья.

⁴² Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 200—230; Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.

⁴³ Хаалюк П. І. Пам'ятники зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, 1971, т. 4, с. 84—97.

⁴⁴ Тимощук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 90, с. 74—75.

⁴⁵ Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К., 1975, с. 101—105.

⁴⁶ Винокур И. С. Вольно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 30.

Как показали исследования, сложение черняховской культуры относится к концу II в. н. э., а дальнейшее ее функционирование — к III — началу V в.⁴⁷ Ареал племен черняховской культуры был очень широким. Он охватывал часть левобережья Днестра, основные районы Правобережной Украины и Молдавии с выходом на земли Румынии. Черняховские древности сложились на широкой основе восточнопшеворской, зарубинецкой и гето-фракийской культур. Какое-то значение (инфильтрат) в описываемом процессе имели и носители поморско-мазовецкой на северо-западе и сарматской культуры на юге.

По данным на 1967 г., на территории Украины и Молдавии зафиксировано около 2000 памятников черняховской культуры⁴⁸. В настоящее время их количество возросло, чему способствовали интенсивные поисковые работы в различных районах черняховского ареала. Обратимся к материалам интересующего нас региона Поднестровья и Подунавья.

На территории Среднего Поднестровья и северной части Днестро-Прутского междуречья на 1972 г. было известно 150 черняховских памятников⁴⁹. В последние годы их количество возросло. На территории Молдавии учтено 600 поселений и 50 могильников черняховской культуры⁵⁰, в приморской степной зоне междуречья Днестра и Дуная — около 120 черняховских памятников, имеющих и некоторые элементы родственных им культур⁵¹. Таким образом, всего в междуречье Нижнего Дуная, Прута и Днестра известно 920 памятников⁵². В соседней Румынской Молдове зафиксировано 500 поселений и 10 могильников черняховской культуры (древности Сынтана-де-Муреш)⁵³. Материалы исследований показывают, что в первых веках нашей эры черняховское население на Днестре и Дунае было достаточно плотным. Последнее связано, прежде всего, с поступательным историческим развитием на очерченной территории населения рубежа и первых веков нашей эры, а также с определенным притоком части степного населения⁵⁴.

На территории Поднестровья и Подунавья представлены гнезда поселений черняховской культуры, а также некоторые одиночные селища. Но группы селищ на Днестре и Дунае явно доминируют, свидетельствуя о значительной густоте населения. Для особо густо заселенных районов Среднего Поднепровья установлена при-

⁴⁷ *Винокур И. С.* История и культура черняховских племен лесостепного Днестро-Днепровского междуречья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Киев, 1978, с. 23—29.

⁴⁸ *Бибиков С. Н.* К 50-летию археологической науки на Украине. — СА, 1967, № 3, с. 65.

⁴⁹ *Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен. — К., 1972, рис. 4.

⁵⁰ *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М., 1975, с. 71.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. — М., 1973, с. 264.

⁵⁴ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 74.

мерная плотность 10 человек на 1 км² ⁵⁵. Для других районов Лесостепи плотность несколько меньше ⁵⁶. Низовья же Днестра и Дуная можно по плотности населения в первой половине I тыс. н. э. учитывать как равный (если не больший) со Средним Поднепровьем район.

«Гнезда» черняховских поселений хорошо зафиксированы в Среднем Поднепровье, например, в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области (Бакота, Теремцы, Сокол-Каветчина, Каменец-Подольский — хут. Козак и др.); в пределах Молдавии — в Делакеу, Кобуска Веке, Калфе, Яблоне и др. ⁵⁷ Были, очевидно, аналогичные «гнезда» и на территории Молдовы и Мунтении.

Важным историко-этнографическим признаком является типология жилищного и хозяйственного строительства. Как показывают материалы исследований черняховских селищ, население строило и использовало наземные и полуземляночные постройки. В лесостепной полосе на черняховских поселениях представлены и те и другие сооружения. Но все же для каждого конкретного региона черняховских древностей можно установить доминирующую форму домостроительства. Днестро-Прутское междуречье, например, входило в зону, где преобладали наземные постройки. Здесь открыты, по данным на 1975 г., 55 наземных жилищ и только 12 землянок ⁵⁸. В Верхнем Поднепровье известно 38 наземных построек и 80 землянок. Землянка или полуземлянка была доминирующим типом жилища у черняховского населения в междуречье верховьев Днестра и Западного Буга ⁵⁹. На территории лесостепного Днестро-Днепровского междуречья соотношение на черняховских селищах наземных построек и полуземлянок примерно одинаково ⁶⁰. На черняховских селищах Среднего Поднепровья главным образом встречаются полуземлянки. В Бакоте, например, исследовано 33 полуземлянки. Они подквадратной и подпрямоугольной формы площадью 16—20 м². В полуземлянках, наряду с открытыми очагами, представлены и печи-каменки. Материалы показывают, что в Бакоте бытовали полуземлянки со столбовой и срубной конструкцией стен.

Интересно, что в бакотских черняховских полуземлянках нередко прослеживаются остатки глиняной обмазки от стен построек. Это очень важная деталь, связывающая воедино традицию черняховского наземного и полуземляночного домостроительства. Аналогичные наблюдения, касающиеся каркасной конструкции стен полуземлянок, сделаны в последние годы и на других среднеднепровских селищах (Бернашовка, Сокол, Теремцы и др.).

⁵⁵ *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964, с. 26—27.

⁵⁶ *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен, с. 36—41.

⁵⁷ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 74.

⁵⁸ Там же, с. 79.

⁵⁹ *Баран В. Д.* Раннеславянские памятники на Западном Буге.— *Slovenska archeol.*, 1965, t. 13, 2, s. 367.

⁶⁰ *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен, с. 55—58.

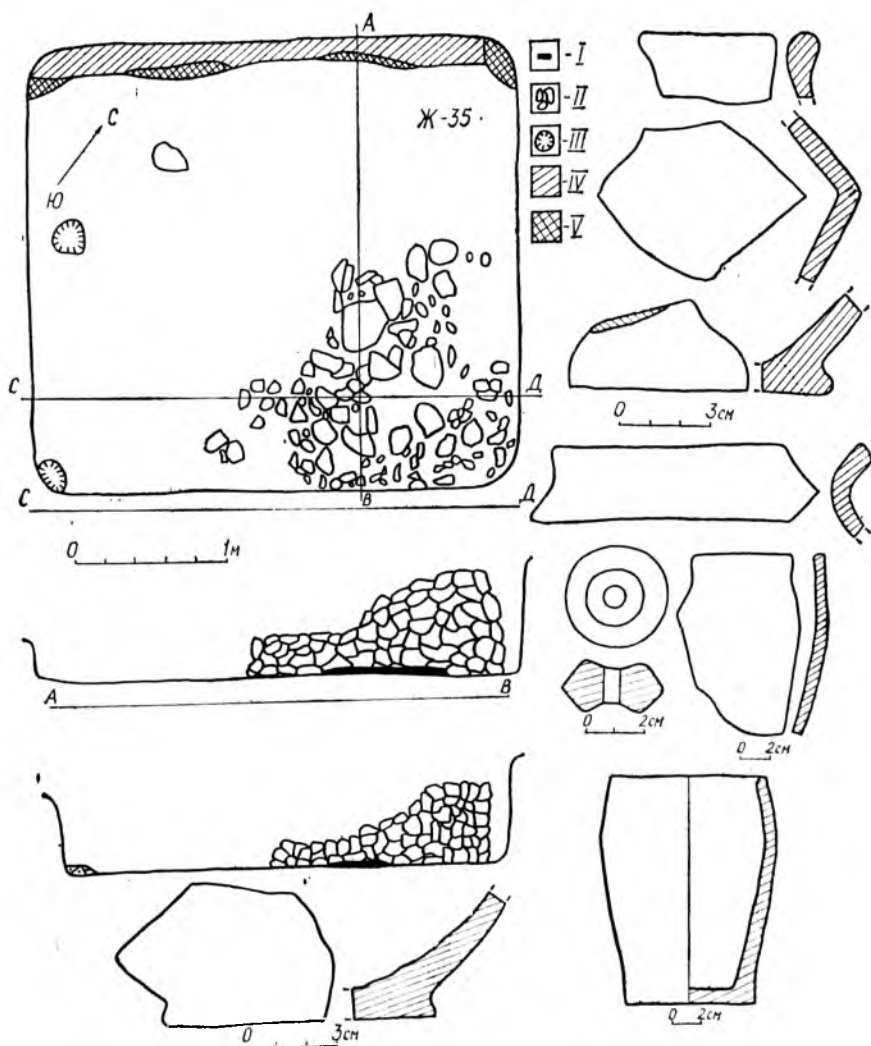

Рис. 1. План и разрез полуземлянки № 35 черняховского поселения Бакота. Гончарная, лепная керамика и пряслице, найденные в развале печи-каменки и на полу постройки:

I — под; II — камни; III — ямки; IV — обгорелое дерево; V — глиняная обмазка.

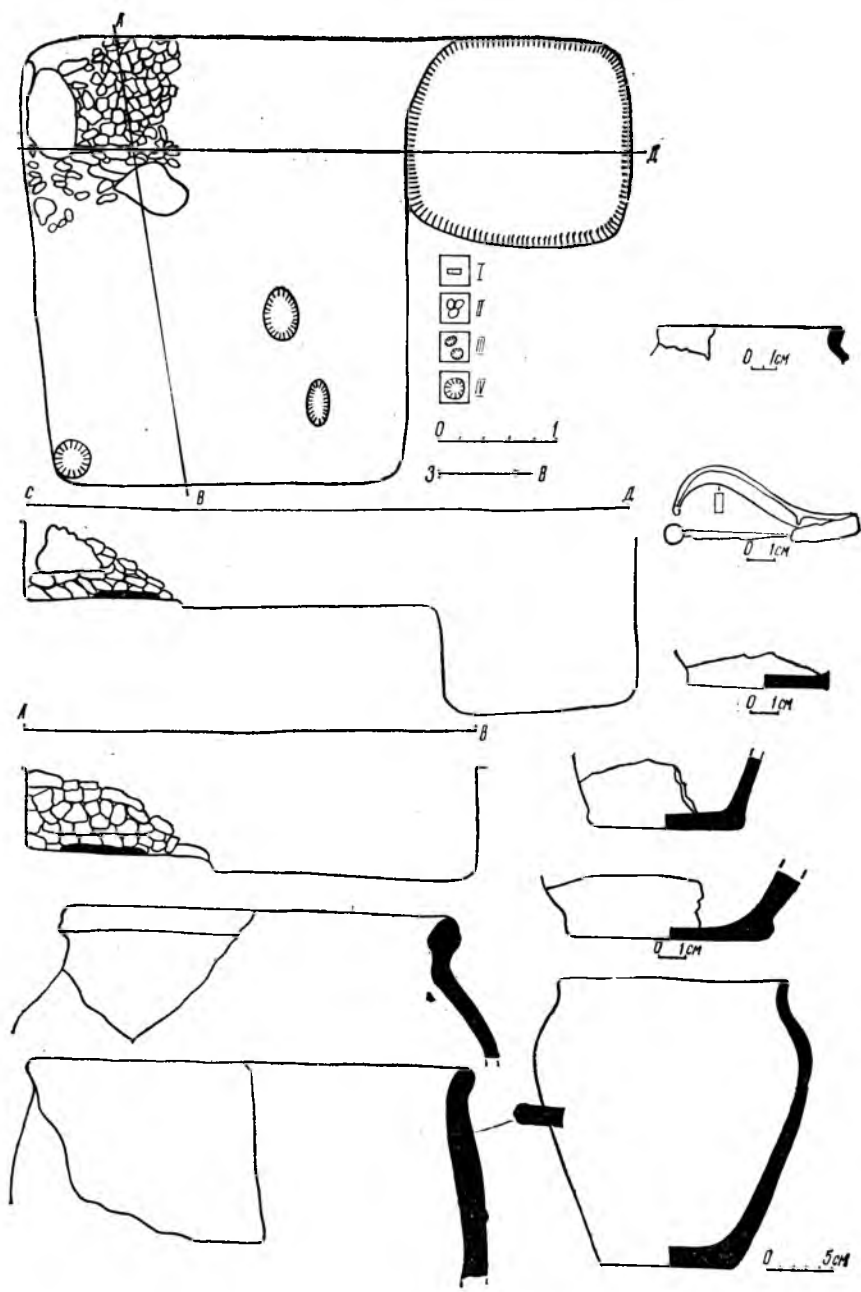

Рис. 2. План и разрез полуземлянки № 65 черняховского поселения Бакота. Гончарная, лепная керамика и железная фибула, найденные в развале печи-каменки и на полу постройки:

I — под; II — камни, III — ямки от столбов; IV — хозяйственная яма.

Таким образом, в домостроительстве Бакотского черняховского селища параллельно представлены наземные и полужемляночные постройки. Важно, что в бакотских полужемлянках, как и на других черняховских поселениях Среднего Поднестровья, обнаружены печи-каменки. Очевидно, подквадратные и подпрямоугольные полужемлянки с печами-каменками зародились как тип домостроительства именно у местного черняховского населения Среднего Поднестровья. Продолжение этих традиций хорошо зафиксировано в славянских жилищных комплексах V—VII вв. в том же среднестровском регионе (Бакота, Лука-Каветчинская, Устье, Рашков и др.).

На полу углубленных жилищ, в очагах и в развалинах печей-каменок наряду с гончарной черняховской посудой представлены лепные горшки, близкие по типологии славянской посуде V—VII вв. На Бакотском поселении открыты и стратиграфически перекрывающиеся полужемлянки с материалами, свидетельствующими о существовании гончарной черняховской и лепной посуды типа V—VI вв. Особенно наглядно отмеченная закономерность прослежена при исследовании жилищ № 33—37, 40—45, 57, 58, 61, 63, 65 и др. (рис. 1, 2). Интересно, что на полу постройки № 65 вместе с черняховской гончарной керамикой найден целый лепной горшок корчакского типа и железная двухчастная фибула с сильно изогнутой высокой дужкой прямоугольного сечения. Такие фибулы бытовали в конце IV — первой половине V в. Аналогичное сосуществование целых лепных корчакских форм керамики с гончарной черняховской отмечено и в полужемлянке № 35 Бакотского поселения, как, впрочем, и в других постройках этого селища.

Как отмечалось, на черняховских поселениях Поднестровья имеются и наземные каркасные постройки. По площади они представлены большими (40—100 м²), средними (30—40 м²) и малыми (10—25 м²) жилищами. На Бакотском поселении такие постройки функционировали одновременно. Такая же закономерность прослежена и на других поселениях (Лука-Врублевецкая).

На территории Днестро-Прутского междуречья (в Молдавии) известны черняховские поселения с большими жилищами: Делакеу, Загайканы, Будешты, Комрат⁶¹. В этом же районе (в основном на одних и тех же селениях) параллельно с большими наземными постройками представлены средние и малые по площади наземные жилища. Так, например, в Делакеу, Комрате, Будештах, Русянах, Собаре, Загайканах, Кобуска Веке, Петриканах, Балабанештах и Балцатах исследованиями открыты наземные черняховские постройки средних и малых размеров⁶² от 12—30 м² до 40—60 м².

В Карпато-Дунайских землях, на территории Румынии также представлены аналогичные по конструкции наземные дома средних

⁶¹ Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3, с. 121—139.

⁶² Рикман Э. А. Этническая история..., с. 108—109.

и малых размеров. Обнаружены там, видимо, и остатки так называемых больших домов (Яссы, Ботошань) ⁶³. Основную массу открытых наземных построек составляют жилища малой и средней площади (Васлуй в Молдове и Индепенденца в Мунтении на Дунае) ⁶⁴.

Как видно из приведенных данных, большие, средние и малые по площади каркасные с глиняной обмазкой жилища представлены в различных районах Поднестровья и Подунавья. Причем в пределах каждого конкретного черняховского поселения различные по площади наземные жилища нередко функционировали одновременно. Подобное обстоятельство можно, по нашему мнению, объяснить только эволюцией большой патриархальной семьи — период, когда складывалась новая хозяйственная и социально-экономическая единица — соседская, территориальная община. Черняховские племена Поднестровья и Подунавья, как свидетельствует их историко-этнографический облик, должны были переживать процесс складывания соседской территориальной общины, что и отразилось в материалах их домостроительства, как наземного, так и полуземляночного.

Особо следует сказать о двухкамерных и многокамерных «больших домах» черняховцев. Они открыты на Днестре (Бакота, Лука-Врублевецкая), на территории Прутско-Днестровского междуречья (Будешты, Загайканы, Делакеу, Комрат и др.). В литературе высказана мысль о связи типологии этих жилищ преимущественно с германским миром ⁶⁵. Для выяснения историко-этнографических особенностей жилищных комплексов вообще и «больших домов» в частности обратимся к некоторым историческим аналогам. Имеются в виду традиции домостроительства, сложившиеся на Днестре и Дунае среди носителей археологических культур, предшествовавших черняховским древностям, а также в археологических культурах послечерняховского этапа. Такой подход при выяснении историко-этнографических особенностей черняховского домостроительства мы считаем вполне целесообразным, так как он дает возможность ретроспективно изучать, с одной стороны, традиции жилищного строительства черняховцев, а с другой — самую раннюю перспективу домостроительства среди лесостепного земледельческого населения второй половины I — начала II тыс. н. э.

Этнографы отмечают, что принципы домостроительства у того или иного народа всегда связаны с его историей ⁶⁶. Сложение прин-

⁶³ *Ionifă I. Contribuții cu privire la cultura Șintana de Mureș — Cerneahov pe teritoriul RSR.* — AM, 1966, N 4, s. 197—198.

⁶⁴ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 264—265.

⁶⁵ *Тиханова М. А.* Раскопки поселения у с. Лепесовка. — В кн.: VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966, с. 211—212; *Рикман Э. А.* К вопросу о «больших домах»..., с. 121—139.

⁶⁶ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. — М., 1953, с. 82—85; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер., 1956, с. 31, с. 3—461.

ципов жилищного и хозяйственного строительства у европейских и других народов непосредственно связано с конкретной естественно-географической средой, направлениями основной хозяйственной деятельности и общественным устройством человеческих коллективов⁶⁷. Учитывая комплекс основных признаков, способствовавших формированию главных типов жилищных и хозяйственных построек у древних народов, рассмотрим эпоху, когда на территории Юго-Восточной Европы уже сложились конкретно-исторические предпосылки формирования исторически фиксированных европейских народов: германцев, славян, фракийцев, иллирийцев и пр. Речь должна, таким образом, пойти о времени индоевропейской общности, активное бытование которой единодушно определяется историками, археологами и лингвистами примерно III—II тыс. до н. э.⁶⁸ Именно в этих пластах находятся, очевидно, корни основных типов жилищ и хозяйственных сооружений, получивших дальнейшее развитие в последующие исторические периоды.

Интересны в этом плане наблюдения С. Н. Бибикова. Он отмечает, что в очерченное время уже сложились весьма близкие формы домостроительства на территории средней полосы Европы, от Западной Германии до Польши, и в Юго-Восточной Европе. «Таким образом,— пишет С. Н. Бибиков,— формы домостроительства (эпохи энеолита.— *И. В.*) определенно указывают на культурно-историческое родство между отдельными этническими ареалами средней, центральной и Юго-Восточной Европы: включая сюда Поднестровье и Побужье»⁶⁹.

В домостроительстве лесостепных племен эпохи бронзы также прослеживается дальнейшее бытование наземных и полужемлячных построек⁷⁰. Полужемлячные прямоугольные жилища со столбовой конструкцией стен, как и наземные, характерны для эпохи поздней бронзы, представленной в Лесостепи белогрудовской культурой. В древностях чернолесской культуры также преобладали постройки с деревянной каркасной конструкцией (как наземные, так и полужемлячные)⁷¹. На поселениях скифского времени на Украине, в Молдавии и Румынии прослежено сосуществование в домостроительстве наземных и полужемлячных жилищ с деревянной столбовой конструкцией стен, обмазанных глиной⁷². Нако-

⁶⁷ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, с. 84.

⁶⁸ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне., с. 63—73; Романска Ц. Славянските народи.— София, 1961, с. 22; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М., 1962, с. 99—100; Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках.— М., 1960, с. 106—107.

⁶⁹ Бибиков С. Н. Раннеэнеолитское поселение Лука-Врублевцевская.— МИА, 1953, № 38, с. 72.

⁷⁰ Свешников И. К. Культури шнурової кераміки західної частини УРСР.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1971, т. I, с. 294; Березанська С. С. Середньодніпровська культура.— Там же, с. 310, 345—346, 356, 395.

⁷¹ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев, 1961, с. 34—39.

⁷² Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Скіфський період.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1972, т. 2, с. 77, 94, 98, 102 и др.

нец, на памятниках рубежа и первых веков нашей эры (заруби-нецкая культура на Украине и культура типа Поянешти-Лукашовка в Молдавии и Румынии) также получили распространение жилища наземной и полужемляночной конструкции с широким применением деревянных элементов стен⁷³.

Таким образом, материалы домостроительства, представленные на территории Поднестровья и Подунавья, начиная от эпохи энеолита и вплоть до рубежа и первых веков нашей эры, фиксируют бытование двух основных типов жилищ: наземные постройки и полужемлянки. И те и другие возводились на Днестре и Дунае по деревянному каркасу; деревянные конструкции стен в преобладающем большинстве обмазывались с обеих сторон глиной. Таковы, судя по археологическим данным, историко-этнографические особенности домостроительства оседлых земледельческих племен Поднестровья и Подунавья. Поэтому черняховские наземные и полужемляночные жилища названного региона мы рассматриваем как продолжение местных историко-этнографических традиций в домостроительстве.

В этом смысле замечания М. А. Тихановой и Э. А. Рикмана⁷⁴ о том, что черняховское домостроительство («большие дома» в частности) якобы не имеют своей местной исторической подосновы, по нашему мнению, лишены достаточных оснований. Приведенные нами материалы по основным этапам развития жилищного строительства на территории Юго-Восточной Европы, начиная от эпохи энеолита и вплоть до рубежа нашей эры, делают нецелесообразной попытку искать корни, в частности для наземных черняховских жилищ, на северо-западе Европы. Истоки указанных этнографических традиций находятся, по нашему мнению, в глубинных пластах историко-этнографического развития земледельческих племен лесостепного Поднестровья и Подунавья. Что же касается примеров аналогичных наземных жилищ в Центральной и Северо-Западной Европе, то они, как мы считаем, свидетельствуют только о весьма близких формах домостроительства, сложившихся на землях, сопредельных с Юго-Восточной Европой. Ведь культурно-историческое родство в домостроительстве могло и, очевидно, должно было существовать у различных этнических групп населения, особенно в смежных районах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Археологические материалы фиксируют и дальнейшее развитие тех основных форм домостроительства (наземные постройки и полужемлянки), которые сложились на основе многовекового опыта на Днестре и Дунае в первой половине I тыс. н. э. Имеются в виду наземные и полужемляночные жилища середины и второй полови-

⁷³ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры, с. 66—67; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 15—33; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии, с. 208—209.

⁷⁴ Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки., с. 211—212; Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах»., с. 121—139.

ны I тыс. н. э., а также аналогичные им постройки феодальной эпохи⁷⁵.

Интересны и этнографические материалы юго-западных районов Украины и Молдавии, дающие возможность проследить некоторые общие традиции в домостроительстве. Здесь каркасные хаты-мазанки широко бытовали в XIX — начале XX в. Двухчастные и многочастные жилые постройки Молдавии и соседней Румынии, судя по этнографическим наблюдениям, во многом похожи на жилища украинского населения Поднестровья⁷⁶. На порубежье Молдавии и Буковины, например, известны села со смешанным украинским и молдавским населением, существующие традиционно. Жилища молдаван и украинцев (например, в Новоселицком районе Черновицкой области) имеют единую схему в планировке, внешнем и внутреннем убранстве. Археологические материалы рубежа и первых веков нашей эры на Украине и Молдавии (памятники зарубинецкой культуры, древности типа Поянешти-Лукашевка, восточнопшеворской и, наконец, черняховской культуры на Днестре и Дунае) дают ту подоснову, на базе которой и сложилась вся последующая традиция жилищного народного строительства в отмеченном регионе. Гето-фракийская основа жилища во многом близка зарубинецким и пшеворским, ибо контакты между этими культурами здесь прослеживаются четко. Особенно тесными были контакты между дако-фракийским и раннеславянским населением Днестра и Дуная в эпоху черняховской культуры конца II — начала V в.

Хозяйственные сооружения на черняховских поселениях Поднестровья и Подунавья представлены летними печами и очагами, размещавшимися за пределами наземных и полуземляночных жилищ, хозяйственными ямами и остатками легких построек, перекрывавшими иногда ямы-хранилища. Такие сооружения открыты на ряде черняховских поселений Верхнего и Среднего Поднестровья (Черепин, Бакота, Сокол, Лука-Каветчинская и др.). Известны они и на черняховских селищах Днестро-Прутского междуречья (Киселев, Будешты, Делакеу, Загайканы, Комрат, Кобуска Веке, Русяны, Собарь) и Подунавья (Васлуй, Индепенденца и др.).

Подобные летние печи и очаги за пределами жилых построек хорошо представлены в украинском, молдавском и румынском селах XIX—XX вв.⁷⁷ Мы имеем в виду печи на глинобитной основе, врезанные в материк, а также печи, сложенные и обмазанные на специальных деревянных стояках-опорах⁷⁸. Поздние варианты хо-

⁷⁵ *Teodorescu V. Despre cultura Jpotești — Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploesti).* — SCIV, 1964, N 4, p. 488, 493, 496; *Bichir G. Cuptoarele de ars ceramică din candrul culturii Virteșcoiu-Poienestii. Un atelier de olărie descoperit la Butnărești.* — SCIV, 1966, t. 17, N 3, p. 3.

⁷⁶ *Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР.* — СЭ, 1947, № 4, с. 218.

⁷⁷ *Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР,* с. 223—225.

⁷⁸ Там же, с. 224—225.

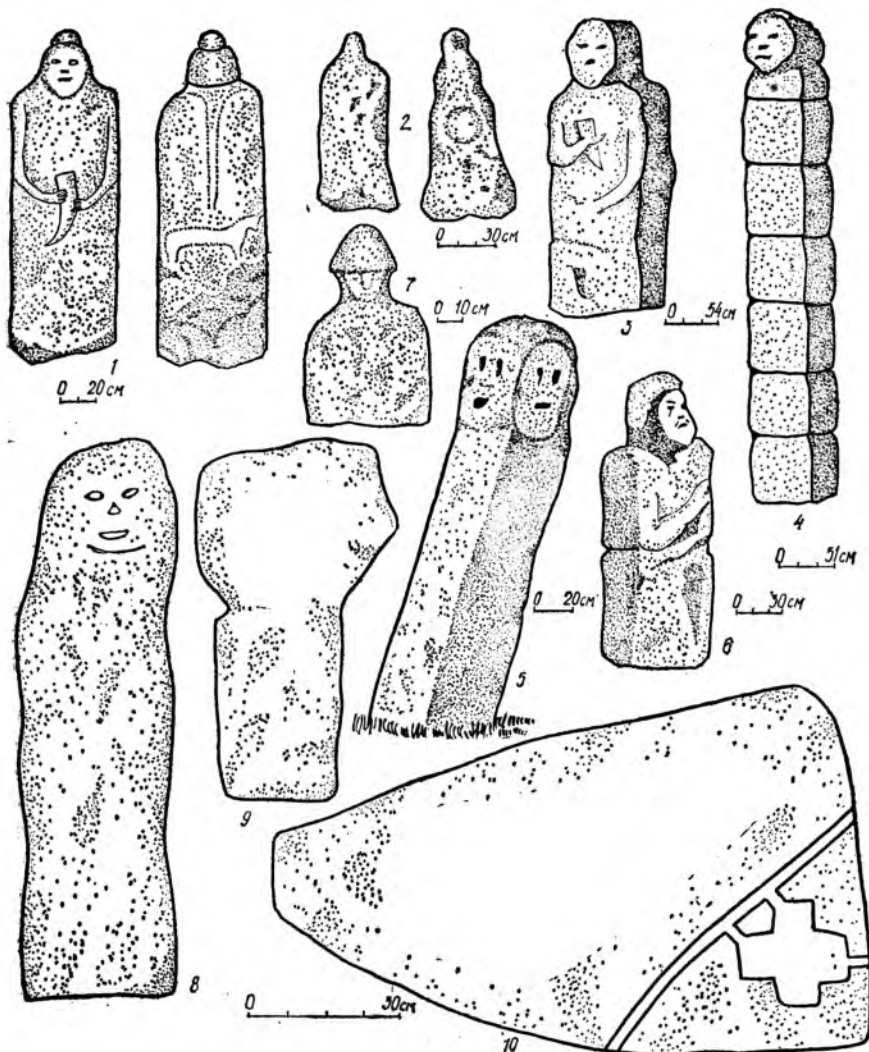

Рис. 3. Антропоморфные каменные изваяния и жертвенная плита из Среднего Поднестровья:

1, 2 — Ставчаны; 3 — Калюс; 4, 5, 6 — Иванковцы; 7 — Юрковцы; 8 — Кремная; 9 — Колодрибка; 10 — Межигорье.

зьяйственных ям и сооружений легкого типа за пределами жилищ также бытуют в украинских, молдавских и румынских селах лесостепной зоны.

Таким образом, этнографические материалы дают возможность проследить историко-этнографическую преемственность не только в системе планировки и застройки поселений, в технике возведения наземных и полужемляночных жилищ (о чем уже гово-

рилось), но и в планировке и технике сооружения летних печей, очагов и хозяйственных построек легкого типа. Речь должна, очевидно, идти о том, что богатый хозяйственный, бытовой и культурный опыт лесостепных черняховских племен II—V вв. н. э. и их потомков второй половины I тыс. н. э. лег в основу дальнейшего экономического и культурного развития коренного населения очерченных территорий.

Важной чертой историко-этнографического облика черняховского населения Среднего Поднестровья являются капища-жертвенники и связанные с ними антропоморфные каменные идолы. Они открыты более чем в 30 пунктах и обычно относятся к черняховским поселениям. Значительную работу по выявлению и фиксации антропоморфных каменных изваяний в Среднем Поднестровье провел в конце XIX — в начале XX в. Е. Сецинский⁷⁹. Не все из открытых каменных изваяний стали достоянием науки. Так, например, в 1875 г. в с. Гусятине на Збруче, в том же районе, где в 1848 г. обнаружен известный Збручский Святовит, найден еще один идол. Он, судя по описаниям, также был четырехликим. Местные крестьяне, однако, разбили статую на три части и использовали камень для строительства⁸⁰. Широкое изучение и систематизация антропоморфных каменных изваяний Среднего Поднестровья начались сравнительно недавно⁸¹.

Наилучшим образом эти памятники сохранились и были изучены в Иванковцах, Ставчанах, Бакоте, Кременной, Калюсе, Юрковцах и других пунктах (рис. 3, 1—10). Антропоморфные черняховские изваяния Среднего Поднестровья материалом, техникой, манерой и семантикой изображений несомненно составляют единое целое, демонстрируя вполне сложившиеся традиции языческих верований и обрядов у населения первой половины I тыс. н. э. Типологическое продолжение эти памятники находят в Збручском Святовите IX—X вв. Причем удалось проследить типологическую связь между черняховскими изваяниями и Збручским Святовитом по семантике и манере изображения Юрковецкого каменного идола, открытого на месте раннесредневекового славянского селища VI—VII вв. н. э. Таким образом, серия черняховских антропоморфных скульптур, найденных на местах древних языческих капищ, может свидетельствовать, вместе с деталями домостроительства на селищах, о славянской принадлежности населения первой половины I тыс. н. э. в Поднестровье.

В междуречье Днестра и Прута, как и на территории Подунавья, для рубежа и первых веков нашей эры характерны языческие капища округлой в плане формы с использованием верти-

⁷⁹ Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии.— Тр. XI АС, 1901, с. 208, 218, 286, 300, 302, 304, 305.

⁸⁰ Там же, с. 305.

⁸¹ Винокур И. С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья.— МИА, 1967, № 139, с. 136—144.

кально поставленных деревянных столбов и каменной ограды⁸². Такие святилища известны на некоторых дакийских поселениях I в. до н. э.—начала II в. н. э.⁸³ Они свидетельствуют о дако-фракийской принадлежности значительной части древностей рубежа и первых веков нашей эры в междуречье Днестра и Прута и на Дунае. Очевидно, дако-фракийское население существовало в этом районе и в черняховское время. Проживало оно здесь параллельно с раннеславянским населением, а Днестро-Прутское междуречье было своеобразной контактной зоной. Определенную роль в этносе низовьев Днестра и Дуная играли, кроме дако-фракийцев и славян, также позднескифские и позднесарматские группировки.

Вместе с языческими памятниками, сохраняющимися в археологических материалах особенности этнографического развития населения, важное место в выяснении этнографической картины принадлежит и могильникам. Для черняховских могильников характерным является наличие биритуализма. Такая обрядность связана с древней традицией. На территории Поднестровья и Подунавья черняховскому погребальному обряду предшествовали захоронения-трупосожжения на зарубинецких могильниках; захоронения-трупосожжения на пшеворских могильниках (Верхнее Поднестровье); захоронения-трупосожжения на могильниках гето-фракийской культуры (Днестро-Прутское междуречье и Подунавье); отдельные трупоположения зарубинецкой и пшеворской культур, а также сарматские и позднескифские трупоположения. На такой довольно сложной основе и сформировалась погребальная обрядность, биритуализм у черняховских племен.

Обряд трупосожжения, несомненно, унаследован черняховским населением от их исторических предшественников — носителей зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской культур. Разные типы трупосожжений (в урнах и без них, ямные с вещами и без них) характерны как для древностей рубежа нашей эры, так и для памятников черняховской культуры II—V вв.⁸⁴ Отметим, что черняховские могильники дают возможность проследить и пережитки трупосожжений даже там, где мы имеем дело с обычными трупоположениями. Это обычай посыпать яму и умершего угольками и золой из ритуального костра. Такие детали прослежены при исследовании трупоположений на могильниках Поднестровья и Подунавья (Ружичанка, Устье, Балцаты, Будешты, Малаешты, Сынтана-де-Муреш, Тыргшор, Индепенденца и др.)⁸⁵.

⁸² *Smirnova G. I.* Sanctuarul de lînga satul Dolinean din regiunea Nistrului Mijlociu.— SCIV, 1976, N 3, p. 309—318.

⁸³ *Ibid.*, p. 316—317.

⁸⁴ *Винокур И. С.* Похоронный обряд черняхівської культури (За матеріалами Дністро-Дніпровського межиріччя).— В кн.: Середні віки на Україні. К., 1971, вип. 1, с. 96—97.

⁸⁵ *Рижман Э. А.* Этническая история..., с. 283—284; *Винокур И. С.* Ружичанский могильник.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 126; *Joniță I.* Contribuții..., с. 225.

Определенное влияние на формирование погребального обряда у черняховских племен оказали носители сарматской и поздне-скифской культур. Говоря об определенной роли сарматов в формировании черняховских труположений, необходимо помнить о том, что на некоторых зарубинецких и пшеворских могильниках встречены отдельные труположения⁸⁶. Последние могут служить каким-то симптомом появления обряда труположения и на местной основе. Но они пока единичны.

Археологические материалы подтверждают, что уже во II—III вв. н. э. на черняховских могильниках существовал биритуализм, продолжавший доминировать на протяжении всего времени функционирования черняховской культуры на Днестре и Дунае. В этой связи интересны наблюдения Н. М. Кравченко, доказавшей, что трупосожжение нельзя считать отмирающим обрядом на черняховских могильниках⁸⁷.

Труположения на черняховских могильниках имеют различную ориентацию. Даже если учитывать погрешности древних в определении сторон света (поправка на время года и суток в момент осуществления захоронения), то все же совершенно очевидна сложная система в ориентации черняховских труположений (Ружичанка, Устье, Будешты, Малаешты, Сынтана-де-Муреш, Тыргшор, Индепенденца, Извоаре и др.)⁸⁸. Вместе с тем наблюдения, проведенные при исследовании черняховских трупосожжений, привели Э. А. Сымоновича и В. П. Петрова к определению более или менее стойких традиций в ориентации погребений. Обращено внимание на стойкость северной и западной ориентации (с некоторыми отклонениями от нормы). Как доказал Э. А. Сымонович, погребения с северной ориентацией, как правило, в хронологическом отношении более ранние, чем захоронения с западной⁸⁹.

Изучение и систематизация материалов черняховской погребальной обрядности позволили в последние годы выделить ранние могильники конца II — начала III в. н. э. Это древности лесостепного Днестро-Днепровского междуречья Ружичанка, Гнатки и др.⁹⁰ Ранние комплексы представлены и на причерноморском могильнике Каборга IV, где датирующий материал позволяет относить некоторые захоронения к концу II — началу III в. н. э.⁹¹ На тер-

⁸⁶ Самойловский И. М. Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 68—69; Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 160, с. 26.

⁸⁷ Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 51.

⁸⁸ Diaconi Ch. Tirgşor necropole din secolele III—IV e. n.— Bibl. archeol. Bucureşti, 1965, vol. 8, p. 52—62; Ioniţă I. Das gräberfeld von Independenţa.— Bonn, 1971; Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea e. n. în Muntenia.— Bucureşti, 1966, p. 202, 205, 209, 220.

⁸⁹ Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху.— СА, 1963, № 1, с. 59.

⁹⁰ Винокур И. С. Ружичанский могильник, с. 131—133.

⁹¹ Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры, с. 131—133.

ритории Днестро-Прутского междуречья также выделяются ранние комплексы (Балцаты, Будешты, Ханска-Лутэрия)⁹². На территории Румынии (в Подунавье) основная масса черняховских могильников использовалась в III—IV и в начале V в. Комплексы конца II — начала III в. н. э. здесь пока не известны⁹³. Наблюдения показали, что на данном этапе исследований еще трудно определить какой-то один локальный район, где формировалась погребальная обрядность черняховских племен. Материалы черняховских могильников Поднестровья и Подунавья, как и всего ареала культуры, свидетельствуют о том, что процесс формирования погребальной обрядности черняховцев связан с довольно обширной территорией.

Инвентарь трупосожжений и труположений из черняховских могильников Поднестровья и Подунавья дает возможность проследить языческую направленность погребальной обрядности. Преобладающее большинство черняховских погребений, как правило, сопровождается керамической посудой с жертвенной пищей и питьем⁹⁴. М. И. Шахнович отмечает, что первобытные люди при наличии у них религиозных суеверий были стихийными материалистами, так как у них отсутствовала вера в то, что дух предшествует бытию, мир для них был материален, даже души умерших представлялись им телесными существами, которых надо кормить и поить⁹⁵. Очевидно, идея о продолжении жизни в потустороннем мире была широко распространенной. Кроме обычных бытовых вещей, во многих захоронениях встречаются и ритуальные предметы. К ним относятся, в первую очередь, трехручные вазы-чаши и связанные с ними кубки. Интересно, что в черняховских могильниках Поднестровья и Подунавья, как и на всей территории черняховских племен, кубки нередко помещены в трехручные вазы и бывают перекрыты третьим сосудом — миской⁹⁶. Положение кубка в связи с сакральными трехручными сосудами очень знаменательно, ибо характеризует определенную направленность погребального языческого обряда, связанного с традицией — снабдить умершего всем необходимым и совершить с ним последнее ритуальное пиршество. Особенно характерна эта деталь для богатых захоронений.

К кругу специфических ритуальных предметов должны быть отнесены и разнообразные амулеты из кости и раковин⁹⁷. У некоторых из них на поверхности нанесены солярные знаки. Видимо, идея обожествления солнца занимала одно из ведущих мест. Следует отметить наличие на некоторых черняховских могильниках погребений, вещей инвентаря которых подчеркивает род занятий умершего или умершей. На могильнике в Косанове, например,

⁹² Рикман Э. А. Этническая история., с. 238.

⁹³ Diaconi Ch. Tîrgşor.; Ioniță I. Das gräberfeld von Independenta.

⁹⁴ Известны и совсем безынвентарные захоронения, что можно объяснить имущественной и социальной дифференциацией в черняховском обществе.

⁹⁵ Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия.— Л., 1971, с. 69.

⁹⁶ Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia, s. 211, 257, 264, 268.

⁹⁷ Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения., с. 58.

обнаружено захоронение, сопровождавшееся набором каменных лоцил — инструментов древнего гончара⁹⁸. В Малаештском могильнике также обнаружено погребение гончара, сопровождавшееся гончарными шлаками⁹⁹. На Ружичанском могильнике открыто женское погребение с шестью глиняными биконическими пряслицами. На могильнике в Коблево¹⁰⁰ — погребение «хирурга», содержащее наряду с обломками керамики и фрагментами ножа бронзовый ланцетовидный нож. Наконец, женские погребения с игольниками, иглами и пряслицами, встреченные на многих могильниках Поднепровья и Подунавья, как и всей черняховской культуры в целом¹⁰¹.

Особо следует упомянуть и о так называемых перекопанных захоронениях, известных на черняховских могильниках. Исследования показали, что их можно связывать с какими-то магическими действиями, отражавшими соответствующие языческие религиозные верования¹⁰². Среди потревоженных в древности черняховских захоронений встречены и такие, которые могут быть связаны с погребениями жрецов, колдунов и т. п. Не исключено, что во втором случае тела умерших при совершении погребального обряда с ритуальной целью расчленились. Этнографические параллели показывают, что верования, касавшиеся отношений умерших к живым, удерживались в языческом мировоззрении поразительно прочно. Умершие делились, например, у славян на две категории: «чистые» — умершие естественной смертью и «нечистые», то есть погибшие неестественной насильственной или преждевременной смертью — убитые, самоубийцы, утопленники и колдуны¹⁰³. Последних особенно боялись и старались обезвредить. Эта суеверная боязнь порождена страхом перед такими людьми еще при их жизни¹⁰⁴.

Как видно из приведенных материалов, в черняховском погребальном обряде отразились довольно сложные и своеобразные ритуальные моменты. Все это объясняется не только этнографическими особенностями родственных племен, входивших в состав черняховского массива, но и разноплеменным составом населения Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э.

Для выяснения историко-этнографического облика населения Поднепровья и Подунавья II—V вв. н. э. определенную научную информацию дает и керамический комплекс. Керамическое производство лесостепных племен, сложившееся при дальнейшем развитии местных производительных сил, но под довольно сильным влиянием городов Северного Причерноморья и римских провинций, дает в распоряжение современного исследователя массовый мате-

⁹⁸ Кравченко Н. М. Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 92.

⁹⁹ Федоров Г. Б. Малаештский могильник.— МИА, 1960, № 82, с. 287.

¹⁰⁰ Сымонович Э. А. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья.— АО 1965 г. М., 1966, с. 135.

¹⁰¹ Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-ea e. n. in Muntenia, s. 221, 232, 244, 263, 280, 288.

¹⁰² Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения., с. 59.

¹⁰³ Токарев С. А. Религия в истории народов мира.— М., 1964, с. 180.

¹⁰⁴ Там же, с. 182.

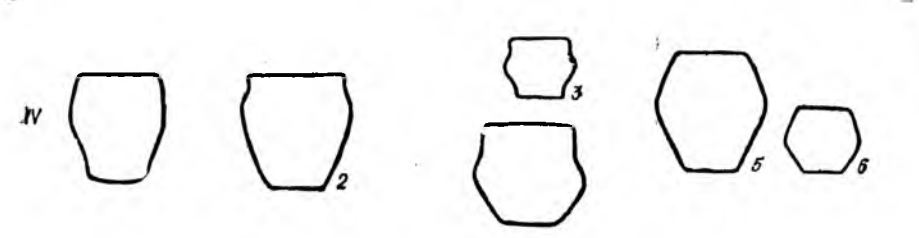
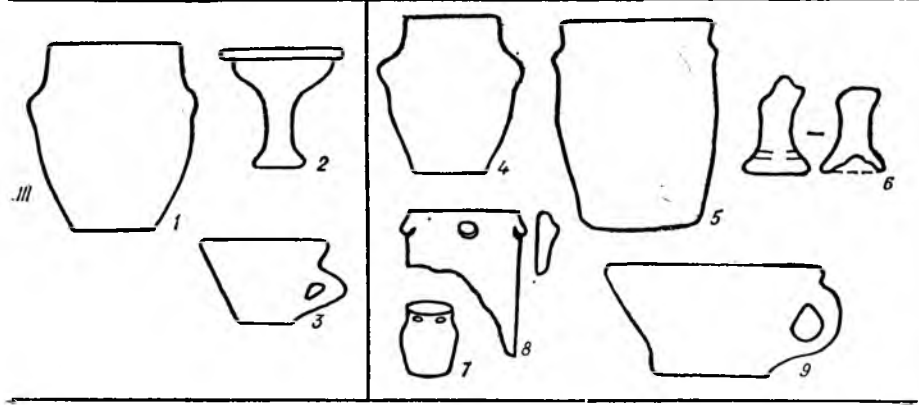
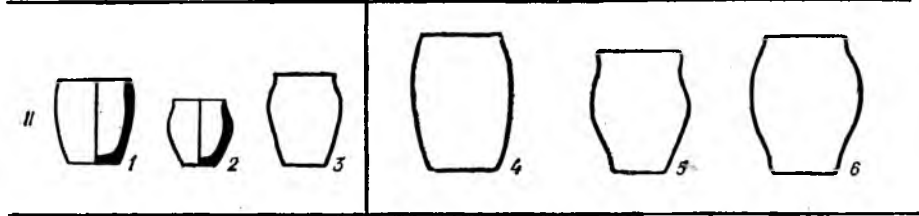
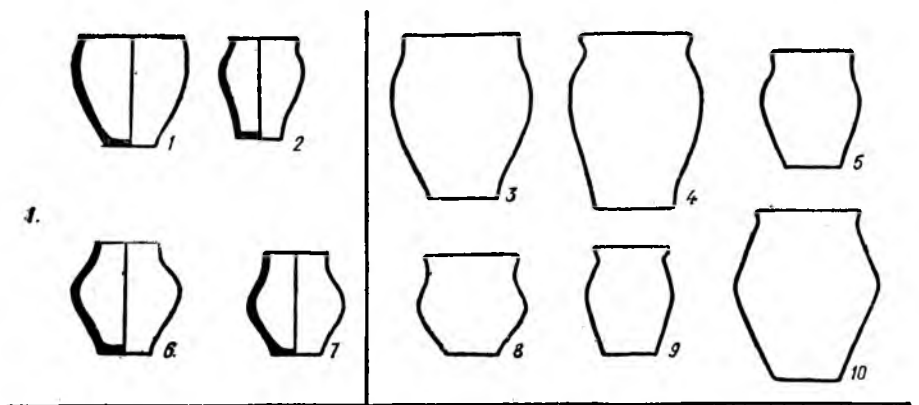

Рис. 4. Основные типы лепной керамики рубежа и первой половины I тыс. н. э. Поднепровья и Подунавья, а также некоторые производные от них формы раннесредневековой славянской керамики V—VII вв. н. э.

I — Зарубинецкие горшки и их аналоги в черняховской культуре: 1, 2 — Воронино; 3, 8 — Ружичанка; 4 — Индепенденца; 5, 9 — Будешты; 10 — Малаешты; 6 — Воронино; 7 — Корчеватос. II — Пшеворские горшки и их аналоги в черняховской культуре: 1, 2 — Деревянное; 3 — Пшеворск; 4, 5 — Будешты; 6 — Бакота. III — Гето-фракийские сосуды и их аналоги в черняховской культуре: 1—3 — Лукашевка; 4 — Индепенденца; 5, 9 — Шпантов; 6—8 — Будешты. IV — Лепные сосуды черняховской культуры и их аналоги в раннесредневековой славянской керамике V—VII вв. н. э. типа Корчак и Пеньковка: 1, 2 — Бакота; 3, 4 — Ружичанка; 5, 6 — Пеньковка.

риал. При этом следует учитывать, что если ремесленное гончарное производство, подверженное традициям тогдашней моды, дает немного для выяснения этнографических особенностей населения, то лепные формы, сохраняющие особенности и традиции местного быта, являются хорошим материалом для историко-этнографических реконструкций.

Исследования показали, что лепные керамические формы населения Поднепровья сложились на зарубинецкой и частично пшеворской основе. Некоторую роль в лепной керамике Среднего и Нижнего Поднепровья сыграли и элементы гето-фракийской древности¹⁰⁵. Что же касается лепных форм восточно-мазовецкой керамики, то ее формы в поднепровских черняховских памятниках составляют 1—2% всей лепной посуды.

Основной формой лепной посуды на черняховских памятниках Поднепровья являются биконические горшки с прямым или слегка отогнутым венчиком, а также горшки с плавными очертаниями корпуса, с прямым или слегка вогнутым вовнутрь венчиком. Некоторые из них покрыты в нижней части корпуса рустом, то есть имеют «хروطоватую» поверхность. Лепные горшки биконической формы могут быть рассмотрены как прототипы горшков пеньковской раннеславянской культуры V—VII вв. н. э., а сосуды с прямым или слегка вогнутым вовнутрь венчиком, несомненно, являются прототипами горшков культуры Корчак (рис. 4).

Представленные на Днестре основные лепные формы горшков (Бакота, Лука-Врублевецкая, Бернашовка, Иванковцы, Ружичанка) мы рассматриваем как исходные формы посуды, нашедшие дальнейшее продолжение в корчакском и пеньковском типах сосудов V—VII вв. н. э. На Верхнем Днестре и в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга также известны исходные формы лепных горшков на черняховских памятниках, которые находят свое дальнейшее развитие в керамике славянских древностей середины и третьей четверти I тыс. н. э.¹⁰⁶

На территории Днестро-Прутского междуречья, а также в междуречье Днестра и Дуная в керамическом комплексе черняховских памятников наряду с разнообразными формами гончарной посуды

¹⁰⁵ Винокур И. С. История и культура черняховских племен., с. 21.

¹⁰⁶ Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу.— МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 77—89.

представлены и образцы лепной местной керамики. Эта керамика является типологическим продолжением тех лепных форм, которые известны на памятниках очерченного региона рубежа и первых веков нашей эры. Этнографически названные формы лепной посуды тяготеют к гетской лепной керамике, распространенной у дако-гетов. Это, прежде всего, лепные горшки со специфическим северофракийским орнаментом на корпусе: полушарные выступы и рельефные пояски с ямками; конические гетские чашки-светильники и чашки; лепные горшки с упорами в верхней части корпуса и т. п. (рис. 4). Такие формы лепной посуды представлены на черняховских памятниках Молдавии (Будешты, Комрат, Собарь, Боканы)¹⁰⁷, а также среди материалов черняховских древностей Румынии (Спанцев, Данку, Ойнаке, Тыргшор, Трушешть, Ионэшень, Бухарест-Тей и др.)¹⁰⁸.

Отметим, что лепные формы рубежа и первых веков нашей эры трансформировались и воплотились в некоторых образцах гончарной посуды Поднестровья и Подунавья. На черняховских памятниках Поднестровья, например, дальнейшее развитие получили формы лепных в зарубинецкой и пшеворской культурах мисок и трехручных ваз. В черняховское время такая посуда изготовлялась на гончарном круге (Бакота, Бернашовка, Ружичанка и др.). В Подунавье соответствующим образом были воплощены в гончарной технике сосуды на поддонах, так называемые вазы для фруктов. Черняховская гончарная техника воспроизвела формы, существовавшие на памятниках рубежа и первых веков нашей эры¹⁰⁹.

Таким образом, среди керамических материалов черняховской культуры Поднестровья и Подунавья представлены такие формы в лепной и гончарной посуде, которые можно сопоставлять с зарубинецкими и восточно-пшеворскими (раннеславянскими) прототипами на Днестре и дако-гетскими — на Дунае.

Вопросы этногенеза относятся исследователями к числу наиболее сложных. В основу этногенетических исследований положены материалы лингвистики, истории, археологии, этнографии и других наук. Нас в данном случае интересуют археологические материалы Поднестровья и Подунавья первой половины I тысячелетия н. э., связанные с историей древнего славянского и северофракийского населения.

Можно считать установленным, что черняховская культура оформилась на довольно сложной основе древностей рубежа и первых веков нашей эры. В междуречье Днестра—Днепра и на самом Днестре такой основой были памятники зарубинецкой и частично пшеворской культур. На землях между Днестром и Дунаем и на

¹⁰⁷ Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 310—311; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 328, табл. 21, 10—11.

¹⁰⁸ Там же, с. 311; Ioniță I. Contributii..., s. 202, 204, 209, 234, 235; Mitrea B., Preda C. Necropole..., s. 162, 163, 219, 262, 279.

¹⁰⁹ Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 308—309.

самом Дунае черняховская культура сложилась на гето-фракийской основе при сарматском влиянии¹¹⁰. На юге и юго-востоке Поднепровья в сложении черняховской культуры определенную роль, видимо, сыграли поздние скифы и сарматы¹¹¹. Некоторое значение в истории черняховского населения имели и древности восточной поморско-мазовецкой группы, вернее их элементы. О готских племенах, которые проникли на земли черняховского населения, писал Иордан¹¹². Следы продвижения готов зафиксированы теперь археологически в Южной Белоруссии, в Западной Украине и в Причерноморье.

Мы разделяем мнение исследователей, считающих, что черняховская культура II—V вв. н. э. сложилась и распространилась среди различных по этническому происхождению племен. Как верно отметил В. В. Седов, «весьма различные виды погребального ритуала (трупосожжения, трупоположения с различной ориентировкой, катакомбные захоронения на Днестровском Левобережье) неоспоримо свидетельствуют, что в составе населения II—IV вв. н. э., оставившего черняховские памятники, было несколько племенных групп — поздние сарматы, фракийцы, германские и славянские (антские) племена»¹¹³.

Ареал черняховской культуры (от Задубавья на юго-западе до Сумщины и Курщины на северо-востоке, от Южного Полесья на севере до Северного Причерноморья на юге) вряд ли мог принадлежать какой-то одной группе родственных племен эпохи «великого переселения народов». Черняховская земледельческая оседлость и культура сложились при участии славянских, дако-фракийских и сарматских племен. В дальнейшем, по-видимому, можно будет выяснить роль каждого из названных компонентов в процессе формирования народности у черняховских племен при учете, естественно, политической ситуации, возникшей в Юго-Восточной Европе в связи с готской экспансией («государством Германариха»)¹¹⁴.

Анализ письменных исторических источников вместе с данными археологии и этнографии позволяют считать, что в лесостепной полосе Днестро-Днепровского междуречья и непосредственно на Днестре в II—V вв. н. э. доминирующее положение занимали славянские племена¹¹⁵. Это прослеживается археологически по серии керамических материалов, имеющих формы, очень близкие посуде

¹¹⁰ Рикман Э. А. Памятник эпохи переселения народов.— Кишинев, 1967, с. 41—42; Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 323—332.

¹¹¹ Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 27, 34; Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— Киев, 1972, с. 162.

¹¹² Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72, 90, 115 и др.

¹¹³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 7.

¹¹⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 115.

¹¹⁵ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 143—162; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 96.

славян V—VII вв.¹¹⁶ Аналогичные совпадения наблюдаются и в устройстве полужемлячных жилищ черняховской культуры и славянских древностей V—VII вв. н. э.¹¹⁷ Совпадают и атрибуты языческой славянской религии (антропоморфные каменные изваяния черняховской культуры, раннесредневековых славян и Киевской Руси).

В междуречье Днестра и Дуная и непосредственно на Дунае древние авторы помещают северофракийские племена дако-гетов, а также славян и вкрапления сарматского населения, а позже — и инфильтрацию гото-гепидских племен подобно тому, как это имело место на Днестре и в зоне Днестро-Днепровского междуречья. Естественно, что в такой сложной, этнически пестрой обстановке происходило становление и дальнейшее развитие славянских и дако-фракийских группировок позднеримского времени и в самый канун раннего средневековья. Поэтому нельзя не учитывать и определенную роль названных иноэтничных элементов. В частности, исследованиями последних лет установлено проникновение отдельных элементов гото-гепидской культуры на земли черняховской культуры и в более южные районы. Так, например, в Танаисе в последний период его существования (IV—V вв. н. э.) значительно возрастает удельный вес лепной керамики типа Дитиничи-Брест-Тришин¹¹⁸.

В среде юго-восточных европейских племен в связи с дальнейшим развитием производительных сил, увеличением численности и плотности населения произошли существенные изменения в этнической структуре и социальных отношениях. Ф. Энгельс писал о возникновении стойких союзов племен, представлявших «первый шаг к образованию наций»¹¹⁹. Под нацией Ф. Энгельс здесь понимал народность.

Разноплеменная среда у черняховской оседлости¹²⁰, в которой складывалась народность, могла повлиять и на формирование элементов межплеменных языков. Археологические материалы фиксируют проникновение в черняховскую среду греческой и латинской письменности¹²¹. Элементы греческого и латинского языков могли служить основой для межплеменных контактов. Но на каждой конкретной территории, несомненно, доминировал язык основного коренного населения (в лесостепном Днестро-Днепровском междуречье и непосредственно на Днестре — славянский).

Начало формирования народности у черняховских племен на Днестре и Дунае происходило, как видно, в очень сложной обстановке взаимовлияний и контактов различного по этническому происхождению населения Юго-Восточной Европы. Выясняя слож-

¹¹⁶ *Винокур И. С.* История и культура черняховских племен..., с. 22—23.

¹¹⁷ Там же, с. 44—45.

¹¹⁸ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М., 1972, с. 329.

¹¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 95.

¹²⁰ *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— Л., 1970, с. 5.

¹²¹ *Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен, с. 99—100.

ность и многогранность образования культурно-исторических общностей вообще и особенно для раннего средневековья Юго-Восточной Европы, С. Н. Бибилов отмечает непрерывность названного процесса: явление, действующее постоянно. Историко-культурный этногенетический процесс практически не имеет ни начала, ни конца¹²². В формировании народности у черняховских племен сказалась вся сложность исторической обстановки II—V вв. н. э. в Европе. Этот процесс был прерван бурными событиями середины I тыс. н. э. Гуннское, а позже и аварское нашествия нарушили и затормозили ход поступательного прогрессивного развития населения Поднестровья и Подунавья. Поэтому народность в очерченных регионах окончательно формируется в новых исторических условиях значительно позже, уже на основе истории славянского и дако-фракийского населения эпохи раннего средневековья.

Правда, в отдельных районах (Верхнее и Среднее Поднестровье) и после нашествий кочевников славянское население оставалось на месте. Это хорошо фиксируется материалами черняховской культуры и древностей середины и третьей четверти I тыс. н. э. на Среднем и Верхнем Днестре, а также в междуречье Днестра и Западного Буга¹²³.

Но в целом последствия гуннского нашествия в Европе были довольно ощутимыми¹²⁴. Недаром археологические памятники VI—VII вв. н. э., если иметь в виду внешние формальные признаки (например, в керамике), стоят по своему уровню значительно ниже, чем памятники черняховских племен. Резко сокращается импорт, становится меньше гончарной посуды, которую сменяют лепные керамические изделия. Такой разительный контраст имел под собой, несомненно, вполне реальную историческую основу. Но это не означает, что на протяжении V и частично VI в. просторы лесостепного Поднестровья и Подунавья были обезлюднены. Хотя гунны и согнали часть коренного населения с насыженных мест, но остановить исторический процесс они, естественно, не могли. Жизнь на основной территории Лесостепи, Днестре и Дунае не прекращалась. Она продолжалась в новых исторических условиях.

События эпохи гуннских завоеваний не могли не сказаться на материальной культуре местного населения. Процесс архаизации в середине I тыс. н. э. был характерным для Юго-Восточной и Центральной Европы. Но все же, несмотря на это, обстановка постепенно нормализуется. В отдельных районах лесостепного Днестро-Днепровского междуречья, непосредственно на Днестре и Дунае, удаленных от магистральных путей продвижения гуннов, удастся проследить поступательный процесс развития культуры

¹²² Бибилов С. Н. К 50-летию археологической науки на Украине.— СА, 1967, № 3, с. 71.

¹²³ Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 143—161; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 97—130.

¹²⁴ Довженко В. И. Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 41.

местного населения в середине I тыс. н. э. Об этом свидетельствуют комплексы середины I тыс. н. э., где всегда с материалами VI в. присутствуют и элементы черняховской культуры. Это материалы середины I тыс. н. э. из Бакоты, Устья, Луки-Каветчинской, Бернашовки, Теремцов и других, открытые в последние годы на Среднем Днестре. На селище Рашков II (правый берег Днестра) также обнаружены аналогичные материалы — это комплексы полуземлянок, где сосуществовала корчакская и черняховская керамика¹²⁵. При исследованиях у с. Глубокое на Буковине в славянских полуземлянках середины I тыс. н. э. обнаружены образцы типичной лепной посуды и гончарная керамика культуры карпатских курганов. А в постройке № 21, перерезавшей стратиграфически полуземлянку № 13, в юго-восточном углу открыто устье гончарного горна, выходявшего за пределы постройки. В нем — обломки типичной гончарной посуды. Такие же фрагменты найдены на полу жилища вместе с обломками лепной славянской керамики середины I тыс. н. э.¹²⁶ Во время раскопок на селище Кодын на Буковине в жилище № 10 на полу землянки, среди камней печи найдена лепная корчакская керамика, несколько обломков гончарной посуды культуры карпатских курганов и железная фибула IV—V вв.¹²⁷

Аналогичные переходные памятники открыты румынскими археологами. При исследованиях в районе Плоешти на раннесредневековых славянских памятниках (в полуземлянках) вместе с керамикой типа корчак обнаружены образцы гончарной посуды провинциально-римского типа¹²⁸.

Таким образом, на Днестре и Дунае в памятниках середины I тыс. н. э. зафиксировано сосуществование черняховских и послечерняховских традиций. Особенно показательны жилищные комплексы (полуземлянки) и керамические материалы, обнаруженные в них, которые к тому же хорошо датированы фибулами. На Днестре, в Днестро-Прутском междуречье и на Дунае для середины и третьей четверти I тыс. н. э. характерно бытование различных форм лепной посуды. Сопоставление лепных керамических материалов черняховской культуры с раннесредневековыми показывает, что и на Днестре, и на Дунае между ними прослеживается историческая и, видимо, генетическая преемственность. Хронологический разрыв между черняховскими и раннесредневековыми древностями VI—VII вв. будет, по-видимому, постепенно заполняться и в других районах черняховского ареала в связи с новыми

¹²⁵ Баран В. Д., Козак Д. Н., Магомедов Б. В. и др. Раскопки славянских поселений в с. Рашков. — АО 1974 г. М., 1975, с. 258.

¹²⁶ Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокое в Прикарпатье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 243—248.

¹²⁷ Тимошук Б. А., Русанова И. П. Раскопки славянского поселения Кодын. — АО 1974 г., с. 362—363.

¹²⁸ Teodorescu V. Despre cultura Jpotești — Cindești la lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Muntenici (regiunea Ploesti). — SCIV, 1964, N 4, s. 488, 493, 496.